

ВДОХНОВЕНИЕ И МАСТЕРСТВО

Б. Г. Добронравов в роли Платона Кречета.

В. И. Немирович-Данченко говорил: «...есть простота, с которой, кажется, актер пришел на сцену с первых своих шагов, и которую актер никогда не подвергал никаким соблазнам и испытаниям, словно этот актер и родился специально для подмостков, — он стихийно сценичен».

Вот эта «стихийная сценичность» поражает и потрясает, когда видишь на сцене Добронравова, именно она делает его творчество таким незабываемо волнующим. Рассказывая о первом впечатлении, которое произвели на него, восемнадцатилетнего юношу, спектакли Художественного театра, Б. Г. Добронравов говорит: «Я был потрясен всем виденным, потрясен той правдой жизни, которая открылась мне со сцены этого театра».

Нельзя представить себе более органического слияния природных качеств индивидуальности актера с основными принципами искусства Художественного театра. Простота и органичность сценических образов Добронравова так пленительны, что мы, попадая под властное обаяние этих актерских качеств, часто не до конца понимаем всю сложность его творческой индивидуальности.

Если мы вспомним ряд блестящих сценических образов, созданных Добронравовым, мы увидим, что в каждой роли он создает необычайно продуманный, цельный характер, в каждой из своих ролей он увлекает нас в круг мыслей и чувств, присущих именно данному образу, но делает это по-своему, по-добронравовски, творя образ изнутри, очень скупо детализируя его внешними характерными чертами.

Васька Пепел и Наркис, Тихон и Лопахин, Войницкий и Кречет, Яровой и Ноздрев, царь Федор и Сафонов — какие это все разные люди, какое количество тончайших, своеобразных психологических нюансов вносит Добронравов в характеристику этих людей, с какой чуткостью и выразительностью он доносит до зрителей авторский замысел.

В искусстве Добронравова полностью отсутствует страшное актерское качество — резонерство. «Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следовательно, и обяснению оных...», говорил Пушкин.

В творчестве Добронравова есть это вдохновение и в процессе создания образа, и в процессе воплощения его во время репетиций, и в момент пребывания актера на сцене.

Процесс «общения» у Добронравова необычайно активен. Как слушает и смотрит Добронравов — Войницкий, Добронравов — Федор, Добронравов — Платон Кречет, — это целая большая серьезная тема для исследовате-

ля. Отсюда и необычайные по содержанию мхатовские «паузы» Добронравова, отсюда и та поражающая в нем непосредственность, эмоциональность, с которой он подает каждую реплику.

Добронравов — один из немногих актеров, так свободно и просто излучающих со сцены любовь — любовь к Родине, к другу, к женщине, к человеку. Поэтому его творчество всегда поэтично в подлинном смысле этого слова, без тени сентимента, без малейшей слащавости. Нас всегда волнует, когда мы видим, что актер приоткрывает нам самые сокровенные уголки своей души. Эта «откровенность» доступна немногим, и актер должен быть поистине крупным художником, чтобы «во весь голос» рассказать о своих чувствах.

Откровенность Добронравова на сцене поражает. Я помню, что когда я первый раз услышала, как Добронравов — Лопахин в тоске и муке говорит в III акте «Вишневого сада»: «О, скорее бы все это прошло, скорее бы изменилась как-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь», — я шла домой и думала: так можно сказать только раз в жизни.

И потом, много раз, в разных ролях у Добронравова я ловила себя на том же: так можно сказать только раз в жизни.

Как режиссер, я встретила с Борисом Георгиевичем в работе над «Русскими людьми» Симонова. Помню, что меня поражало в Добронравове умение сразу нащупать в роли основные куски, в которых наиболее определенно выражался характер Сафонова.

Больше всего его интересовало в роли, какими невысказанными в тексте мыслями и чувствами живет этот человек.

Процесс накопления этого душевного багажа происходил у Добронравова очень интересно. Он был очень молчалив в высказываниях о том, какими ассоциациями он питается для «оживления» в образ, он как бы целомудренно оберегал свой глубокий творческий процесс создания образа, боясь словами разрушить тонкую паутинку, плетущуюся в нем, сделавшую его впоследствии Добронравовым — Сафоновым.

Одной из лучших сцен в «Русских людях» была у Добронравова та, когда Сафонов говорит о своем воображаемом разговоре с товарищем Сталиным: «Стой, Сафонов, и ни шагу назад. Умри, а стой! Десять раз прими, а стой! Вот что я слышал, что он лично мне говорил!».

Добронравов вкладывал в эти слова такую пламенную любовь к Родине, такую веру в глубочайшую внутреннюю связь рядового русского бойца со Сталиным, такую горячую убежденность в неминуемой победе, что для нас было совершенно ясно: Добронравов полностью отвечает тем требованиям, которые мы предъявляем к актеру, играющему советского героя. Думая о Добронравове — Сафонове, Платоне Кречете, Кирсанове, Листрате, невольно думаешь о неповторимых национальных чертах русского художника и понимаешь, что Добронравов утверждает своим творчеством эти качества. Большое сердце, одухотворенность мысли, богатство и глубина эмоционального восприятия, умение отдавать себя целиком своему делу делают Бориса Георгиевича Добронравова одним из крупнейших актеров нашего времени.

М. КНЕБЕЛЬ.

Сов. искусство, 16 октября 1948.